Горлова Надежда

НАСТОЯЩЕСТЬ[1]

«Слушать саксофон в пустой квартире. Смотреть на восход. Тянуться вверх и во все стороны на тёплых от солнца простынях. Кофе мелкими глотками и сыр мелкими кусочками. И два лимона: один – в чай, а другой – для выражения лица. Мягкая синяя кофточка, на которой так хорошо видна шерсть. Звери линяют».

Современный герой – кто он? Этот герой – Я. Пусть негероический совсем, пусть и как персонаж не очень интересен. Зато – Живой. Узнаваемый. Мессидж и пафос современного героя: «Я – настоящий».«Пошла сегодня выписываться, хотя, конечно, состояние не ах, но все проявления какой-то такой мелкой пакостности – насморк не так чтоб жить нельзя, горло не болит, но немного першит (задняя стенка – от насморка же, видимо), кашель – верхний (от насморка же тоже) ну и температура после субботних уроков – то нормальная, то 37,2…»

Писатели недавнего прошлого, жившие за железным занавесом, видели себя или «в тюрьме» или в облегчённом варианте тюрьмы – «санатории», и либо соблюдали предписанный режим соцреализма, либо пилили решётки зазубренной ложкой диссидентства. Образцы героев стояли в нишах, как на станции метро «Площадь Революции», и одни видели в них образы, от которых надо восходить к прообразу, другие – идолищ поганых, третьи – элемент дизайна. Советское прошло – и надо было расстаться с прошлым,

1 Литературная газета, 2009, №16. 15-21 апреля. С. 6.

конечно же, смеясь. И постмодернизм осмеял, извратил все «тюремно-санаторные» образцы словесности прошлого и образцы героев. 90-е дали чернуху, антиутопию, расцвет низких жанров и бандитский романтизм с героем вроде шиллеровского Карла Моора («Закон заставляет ползать то, что должно летать орлом»).

В 2000-е пузырение поверхности в России прекратилось, горячие слои переместились внутрь, ближе к земному ядру. (Экономический кризис – извержение гряды вулканов, но это – местно, пока лавой не затопит – всё вроде нормально).

Итак, в 2000-е перед автором встал вопрос, что делать теперь. Деньги на новых темах? Кончились и темы, и деньги. Открывать читателю глаза на происходящее в стране? Уже открыли. Пожалуй, осталась одна Настоящая Тема – военная. Но не все авторы владеют этой темой – у каждого своя биография.

«...люди ленятся резать мясо в супе. Оно, может, и вкусное – но есть его неудобно. Дед всегда говорил – ну, Антоша, что же ты мясо не ешь? А я выедал суп вокруг куска. И любил котлеты, именно за простоту обращения. Вилкой надавил – и резать не надо...

А теперь я всегда режу мясо и бросаю обратно в суп. Под конец. А кости вываренные – в мусорку. Думается, как это ни странно, сейчас хоть чему-нибудь, а и я мог бы научить своего деда. По мелочам, конечно, ведь дед был титаническим человеком, теперь таких не делают».

Нынешнему автору кажется, что он идёт по бескрайнему полю свободы. Как у Бабеля: «Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони». Этот простор обусловлен прежде всего Интернетом, позволяющим высказываться перед широкой аудиторией в режиме хоть монолога, хоть диалога, хоть дискуссии онлайн. Итак, ощущение свободы. Экзистенция. Любая мелочь, любая перемена настроения, всё, что происходит между тобой и твоей свободой, – всё кажется важно. Новая искренность. Новый экзистенциализм. Почему «новые»? Сартр в своей старой искренности говорил о смерти и бессилии. В «новой» говорят о том, что ели на завтрак. Художественность отступает перед… документализмом? Нет, в документе главное – точность, которой тут, в общем-то, нет. Отступает перед жизненностью с её приблизительностью, ложью и поверхностной правдой, необязательностью, неопределённостью, незнанием ничего толком…

«Всё-таки юг на меня поразительно влияет. Дома я не могу заснуть до двух-трёх ночи, и продрать глаза до 11 тоже проблематично. Просто вот физически не могу. А здесь к полночи глазки начинают слипаться, а сегодня я проснулась абсолютно сама в без двадцати восемь! Это для меня невероятно, ну как для нормального человека в 4 утра самому проснуться бодреньким. Да и жару я обожаю, сразу начинаю расцветать и благостно улыбаться. Видимо, организм у меня заточен под жизнь на юге, а на севере бунтует».

В жизненности только одна яркая черта – искренность. Она, безусловно, прекрасна в реальности, но зафиксированная на бумаге – прекрасна относительно, только для того читателя, который, как и автор, ценит лишь «настоящее».

«Вымыла окно. Чуть не умерла от ужаса, если что – лететь девятый этаж без лифта. Отдельный квест – снимать и вынимать москитную сетку. И отгонять ногой толстую наглую котину, которому вчера девять лет в обед».

Итак, современный герой, он же автор, он же Я, Живой – блоггер. Публичное ведение дневника – явление жизни и литературы одновременно, квинтэссенция этой самой «настоящести», экзистенциализм наших дней. Кто-то возразит: «Нет, сетевые дневники – не литература». А, по-моему, литература – то, что пишется, публикуется и читается на добровольной основе. Если чтение текста – цель читающего, а не средство, следовательно, данный текст в восприятии читателя – явление литературное. (Таким образом, к литературным явлениям не относятся Уголовный кодекс, рецепты, новостные заметки и т.п.)

«Повесть о настоящем человеке». Когда она была написана, в понятие «настоящий» вкладывали совсем другой смысл. Ещё живой, но уже всходящий на пьедестал, ещё с нами, но уже выше нас, ещё дышит, но уже покрывается бронзой, ещё частный человек, но уже – общий образец для подражания. Ныне наоборот. Малейшее отношение к пьедесталу и бронзе – признаки надоевшей искусственности.

«Неужели я настоящий, и когда-нибудь смерть придёт?» – спрашивали писатели, главная жизнь которых проходила в искусстве. Современный экзистенциалист помнит о них, но на первый план выносит не написанное ими, а прожитое: судьбу, письма, облик…

«Нынешней весной в моде туфли с такими острыми носами, что Николай Васильевич Гоголь просто нервно сопит своим в углу. Носком этакой туфли, ежели, к примеру, пальцы будут заняты, можно ковырять в носу или в ухе.

Продавец, у которого я покупал туфли, параллельно, поскольку у него в голове есть специальный коммутатор, как и у всех продавцов, разговаривал с ещё одной девушкой, отговаривая её покупать гуталин:
– Вы, девушка, если будете мазать дорогим сторублёвым гуталином эти красивые туфельки, как какая-нибудь пенсионерка, то поры на их коже закроются, и нога у вас будет потеть. Вы этого хотите?! Купите дёшево, всего за четыре сотни, наш специальный аэрозоль. Утром проснулись, побрызгали – и поры на коже туфель целый день открыты. Ноги у вас дышат полной грудью…»

Трогательные отрывки, перемежающие статью, взяты из случайных сетевых дневников разных авторов.
И автор не виноват, что его герой – он сам, не большой, не маленький, а будничный, и героем его делает только «настоящесть». Героев дают искусству времена. Может, и хорошо, что наконец-то нашёлся уголок, где

нет места подвигу? Может, лучше обойдёмся без героя с большой буквы? Подозреваю, что не обойдёмся, – всё-таки в России живём.